

РУССКИЕ КАЗАКИ-ЗАБАЙКАЛЬЦЫ В МАНЬЧЖУРСКОМ ТРЁХРЕЧЬЕ: ТРАНСЛЯЦИЯ ТРАДИЦИЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Юлия Викторовна Аргудяева,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: argudaeva@mail.ru

Освещаются влияние Гражданской войны в России и её последствий на эмиграцию и жизнь русских казаков Забайкалья в Маньчжурии, трансляцию ими русского культурного наследия на маньчжурские земли. Рассматриваются проблемы адаптации забайкальских казаков к местным условиям, их вклад в сохранение и развитие русской культуры в принимающей стране. Анализируется степень сохранности в Маньчжурии русских национальных традиций в материальной культуре - усадебном комплексе, жилище, пище, одежде, средствах передвижения. Уделено внимание характеристике взаимовлияния культуры русских и коренных народов Северо-Востока Китая в области материальной культуры.

Ключевые слова: русские, казаки, Забайкалье, Маньчжурия, традиции, трансляция русского наследия, материальная культура, межкультурная коммуникация.

Russian Transbaikalian Cossacks in Manchurian Triling: translation of traditions of material culture.

Julia Argudyaeva, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of The Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: argudaeva@mail.ru.

The article highlights the impact of the Civil War in Russia and its consequences on the emigration and life of the Russian Cossacks of Transbaikalia in Manchuria, their translation of the Russian cultural heritage to the Manchurian lands. The problems of adapting Transbaikalian Cossacks to local conditions, their contribution to the preservation and development of Russian culture in the host country are considered. The degree of preservation in Manchuria of Russian national traditions in material culture is analyzed - the estate complex, housing, food, clothing, and means of transportation. Attention is paid to the characterization of the mutual influence of the culture of Russian and indigenous peoples of the northeast of China in the field of material culture.

Keywords: Russians, Cossacks, Transbaikalia, Manchuria, traditions, translation of Russian heritage, material culture, intercultural communication.

Трёхречье (по-китайски Саньхэ-цуй) – территория бассейнов притоков р. Аргуни – Гана, Дербула и Хаула, занимающая площадь, примерно в 11500 кв. км в северной части автономной территории Внутренней Монголии (Барги) в Маньчжурии (Китай). По Нерчинскому договору 1689 г. этот район территориально принадлежал Китаю, но уже с конца XVIII в. он начал заселяться русскими - забайкальскими казаками, пришедшими с берегов пограничной с Китаем р. Аргунь. С согласия

местных властей они обустроивали заимки, строили зимовья, разводили скот и косили сено. В период Октябрьской революции, особенно Гражданской войны, а также коллективизации в России, в Маньчжурию пришли, нередко вместе с семьями, тысячи русских людей, преимущественно забайкальских казаков, которые транслировали региональную культуру русских забайкальцев. Здесь, в Трёхречье, в ином этнокультурном окружении, образовав 19 русских поселений и крепкие хозяйства, они оказались создателями (и одновременно носителями) смешанной в региональном отношении, но русской по языку и сущности культуре. Её хорошей сохранности, как показали исследования, способствовали, прежде всего, православные духовные ценности, дух корпоративности, присущий казакам, приверженность русской традиционной культуре. Забайкальские казаки в иноэтничной, инокультурной, иноконфессиональной среде сумели сохранить свою историческую память, этническую идентичность, исконные традиции казачества, родной язык и многие важные черты традиционного хозяйствования, материальной и духовной культуры русского народа. Этому способствовали слабая заселённость районов Трёхречья и примерно схожие с Забайкальем природные условия, а также наличие довольно компактной группы семей казаков - односельчан или выходцев из соседних забайкальских посёлков, сохранивших традиционную русскую культуру во всех аспектах жизнедеятельности. Казаки-трёхреченцы обустроили некогда пустынный край, обеспечили себе достойный уровень жизни, практически полностью сохранили русское культурное наследие в принимающей стране.

Военные события 1945 г. положили конец благополучью русского маньчжурского Трёхречья, большинство населения которого было репатрировано в 1954-1956 гг. на целинные земли СССР. Некоторые выехали в Австралию, Бразилию и другие страны. В настоящее время исконно русского населения в Трёхречье нет, остались лишь дети от смешанных русско-китайских браков.

Основным источником для написания представленной статьи послужили материалы группы японских исследователей во главе с сотрудником Общего Отдела Департамента Китайской восточной железной дороги (КВЖД) Отаки Эйдзо. Дважды — с конца октября по начало ноября 1940 г. (19 дней) и с середины до конца февраля 1941 г. (10 дней) они изучали повседневную жизнь и материальную культуру (жилище, одежду, пищу, средства передвижения) русских казаков пос. Верх-Кули, расположенном в безлесной местности, на холмах, в 140 км от центра округа — г. Хайлара, в так называемом Трёхречье [11]. К этому времени в пос. Верх-Кули проживало около 200 русских семей.

Исследования японских учёных в 1940-е гг. важны, прежде всего, в связи с тем, что они составлены на материалах, увиденных и изученных очевидцами, причём представителями иной культуры, которым и пришлось оценить все, на их взгляд, положительные и отрицательные стороны жизни казаков-трёхреченцев. Они описаны на примере жизнедеятельности казаков в одном населённом пункте - пос. Верх-Кули, расположенном в лесостепной части Трёхречья, схожей, по своим экологическим условиям, с родной забайкальской природой.

Отметим, что Японские исследования маньчжурских земель осуществлялись в период создания на этой территории государства Маньчжоу-Го, после захвата Японией Маньчжурии в 1930-е годы. Политика территориальной экспансии Японии в

Северном Китае предусматривала создание на территории Маньчжурии, с одной стороны, сырьевой и продовольственной базы, с другой – военного плацдарма для дальнейшего продвижения японских войск в южную часть Китая и на север – в Советский Союз. Одним из мероприятий по осуществлению этого плана было переселение сотен семей японских крестьян на маньчжурские земли. Однако суровый климат Маньчжурии и в целом непривычные условия жизни, создавали многочисленные трудности в адаптации к принимающему региону и успешной жизнедеятельности японских крестьян, у которых не было необходимого опыта в приспособлении к новым условиям жизни, но, как оказалось, такой опыт был у русских крестьян и казаков, сравнительно недавно переселившихся в северо-западную и северо-восточную части Маньчжурии. Поэтому японские исследователи стали досконально изучать жизнь и быт русских старообрядцев маньчжурской деревни Романовки [3;21 и др.] и жизнедеятельность забайкальских казаков в Трёхречье [4, с.125 – 135 и др.;13, с. 81-93]. Определённые историко-этнографические сведения о жизни русских казаков в Трёхречье мы почерпнули из материалов некоторых российских учёных-эмигрантов [6;10;19], учёных России [1; 5 и др.;7 и др.;12 и др.;18 и др.; 22, с.137 – 143 и др.; 25 и др.], русских эмигрантов [26 и др.] и реэмигрантов [14 и др.], а также из воспоминаний самих казаков-трёхреченцев или их потомков, опубликованных в российском журнале «Русская Атлантида», издаваемом в Челябинске.

В представленной статье мы остановимся на одном из важнейших вопросов трансляции русского культурного наследия в сопредельные страны - трансляции русских традиций материальной культуры в маньчжурском Трёхречье - жилища, одежды, пищи, средств передвижения.

Один из важных элементов материальной культуры - жилище. Оно удовлетворяет самые необходимые потребности человека, занимает важнейшее место в системе жизнедеятельности любого этноса. Жилище представляет собой сложный культурный комплекс, объединяющий жилые и частично хозяйственные помещения, выполняющие различного рода функции – жилые, хозяйственно-бытовые, религиозно-обрядовые, эмоционально-эстетические, символические.

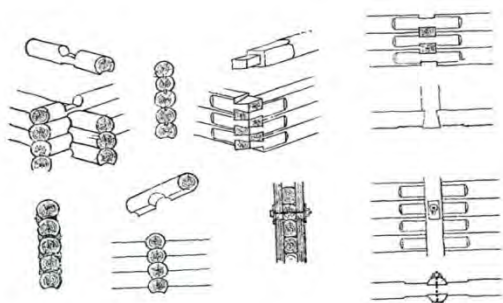
Рамки статьи не позволяют нам полностью осветить различные типы жилищ казаков Трёхречья. Но и этот приведённый материал даст определенное представление об этой важнейшей части материальной культуры.

Поселок Верх-Кули начал строиться, судя по сообщению местного атамана, примерно в 1918 г. К этому времени в Трёхречье обосновалось немало казачьих семей, которые надеялись, что их пребывание на этой земле временные и как только закончатся беспорядки в России, они смогут вернуться в родные места. Поэтому многие из них строили временные жилища в виде землянок. Но время шло, возвратиться на родину не удавалось, и постепенно переселенцы приступили к возведению капитального жилья, для строительства которого использовали древесину тополя Максимовича и берёзы.

Базовым направлением в защите от холода жилища русских людей, живущих на северных территориях, по мнению японских исследователей, являлось то, что внешние стены в качестве своего продолжения включали в себя также и фундамент.

Фундамент избы был довольно прост и представлял собой камни, уложенные по углам избы и вдоль внешних стен на приемлемом друг от друга расстоянии. На камни фундамента устанавливали короткие, 10-20 см. чурки - это были опоры для балок настила пола [11].

Стены большинства казачьих изб состояли из бревен, расположенных на камнях фундамента и соединенных по типу колодца; бревна в диаметре варьировались от 17-18 см до 22 см. Их укладывали одно на другое с треугольным вырезом с одной стороны. В стены избы в нужных местах вставлялись деревянные шипы для скрепления бревен.

Способы соединения бревен по углам были различными, но традиционно славянскими – «в обло», «с остатком», «в лапу» [24, с. 93]. Использовались также и другие приёмы соединения бревен по углам.

Способы углового соединения брёвен в жилищах пос. Верх-Кули (Трёхречье)

Они обычно осуществлялись при помощи выреза бревен, причем бревна не были подпилены по длине для единообразия - и длинные, и короткие концы бревен торчали по краям, придавая зданиям грубый вид.

Пространства между бревнами обычно конопатили просушенным мхом, а в некоторых зажиточных домах для этих целей использовали также высушенные цветы кувшинок и старые пеньковые мешки.

Пазы бревен снаружи зданий тщательно замазывались глиной или лошадиным навозом. С внутренней стороны избы углубления между бревнами заштукатуривались глиной, тщательно выравнивались и белились известью. Снизу вокруг внешней части стен жилых помещений для зимнего периода помещался лошадиный навоз высотой в 50 – 60 см (завалинки -Ю.А.), а во внутренней части дома, с целью защиты от холода из-под пола, также делали из него насыпь. На лето лошадиный навоз убирался.

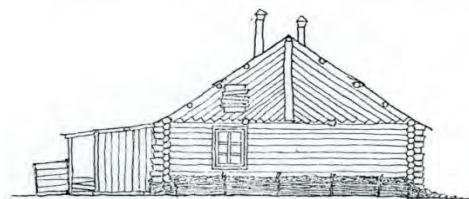
Потолки сооружали из деревянных досок, на которые насыпали, для удержания тепла, около 20 см земли, которую затем на 5-6 см покрывали конским навозом.

В очень бедных домах вместо деревянных стен использовали двойную стенку из ивняка горизонтального плетения, внутри которой набивалась земля для утепления, а внешняя часть обмазывалась глиной.

Внешние стены деревянной избы соединяла центральная (капитальная -Ю.А.) перегородка. Другие перегородки в доме делались из вертикальных панелей (легких досок - Ю.А.), покрытых белой или бледно-зеленой краской, а пространство над ними до потолка в 30-40 см оставалось пустым, как считали японские исследователи, для лучшей циркуляции воздуха.

Японские исследователи полагали, что, по всей вероятности по экономическим причинам, меры по защите жилья от холода прослеживались только в области внешних стен и потолка, тогда как крыша должна была лишь защищать от дождя. Казачьи избы в начальный период их строительства, особенно землянки, совсем не имели крыши - для их утепления сверху насыпали толстый слой земли.

Устройство крыши было довольно простым: брёвна или балки толщиной в 14-15 см складывались «домиком», образуя стропильные «ноги», на которые сверху настилали круглые перекладыны. Затем на них, как в Забайкалье, настилали кровельную дранку или использовали расколотую древесину (расколотые брёвна).

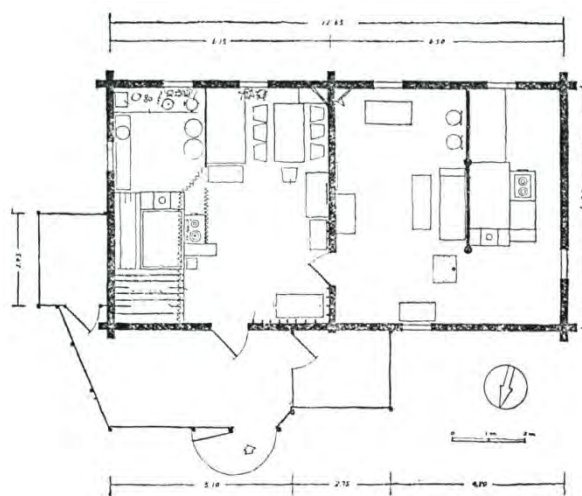
Посёлок Верх-Кули (Трёхречье). Двухкамерный (двухкомнатный) дом Кармадонова Григория Михайловича. Сверху вниз: восточная сторона, южная сторона, западная сторона, северная сторона.

Войти внутрь избы можно было из сеней через одностворчатую дверь через высокий, до 30 см. порог. Перед наступлением зимы дверь утепляли, набивая на неё с внешней стороны толстое одеяло, пеньку или тростниковую циновку, а с внутренней - там, где дверь прилегала к косяку, наматывали верёвку или прибивали четвертину кола, расколотого вдоль.

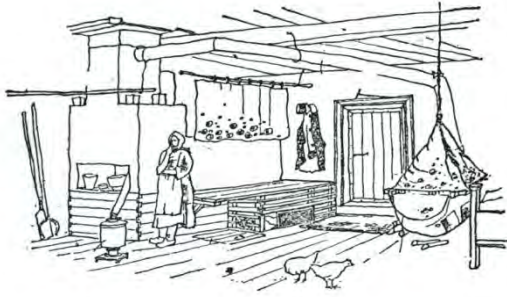
Окна устраивали обычно с южной и восточной сторон, а с северной стороны иногда окон не было. Они были обрамлены ставнями, которые предназначались, в том числе, и для утепления жилища и закрывались на ночь. Рамы в окнах были чаще двойными - внешнее окно открывалось наружу, а внутреннее, вставное, летом вынималось и помещение проветривалось.

Таковы основные особенности строительства и конструкции капитального жилища забайкальских казаков в Трёхречье, увиденные японскими исследователями.

Что касалось примитивных жилищ - землянок, то о них японцы сообщили не много сведений. Однако они отметили, что землянка почти полностью уходила под землю и только с южной части было оставлено место для прохода и небольшого окна. Роль крыши играл толстый слой земли, защищавший от морозов. В небольшой по размерам землянке не было перегородок; каждый угол отводился под свои нужды; простым был и интерьер такого жилого помещения. Пространство, за исключением небольшой

Посёлок Верх-Кули (Трёхречье). Схема двухкамерного (двухкомнатного) дома Кармадонова Григория Михайловича.

Однокомнатное (однокамерное) жилище казаков пос. Верх-Кули (Трёхречье).

печки для выпечки хлеба и спального места, использовались и для работы, и для принятия пищи.

Немногом больше по размеру, чем землянка были однокомнатные (однокамерные) капитальные жилища. Описывая интерьер такого жилого помещения, японцы сообщили, что основное место в избе занимала, расположенная справа (или слева) от входа печь, как ее называли японцы — «печь для

приготовления хлеба» (так называемая «русская печь» - Ю.А); рядом было место для инструментов; справа(или слева) – кровать; по центру слева – кадки, корзина, справа – ещё одна, небольшая печь с плитой для обогрева жилища и быстрого приготовления (разогревания) еды, стол, с инструментами под ним; в глубине слева направо – спальное место, сундук, стол, два стула. Обе печи были сделаны из глины. Расположение «красного» угла выдерживалось традиционно — по диагонали от «русской печи». На стенах – фотографии в рамках. За массивной дверью с северной стороны – земляной пол, находившийся на 40-50 см ниже уровня земли. На северной стороне окон не было: это была своеобразная защита от проникновения холода. Для изоляции от холода, везде, даже на подоконнике помещали лошадиный навоз [11, с.4]. В таких жилищах пол был покрыт досками и лишь перед входом насыпали солому или укладывали набитый соломой конопляный мешок.

В более зажиточных казахских домах к входной стороне дома пристраивали холодную кладовую и веранду, в иных жилищах – застекленную. В кладовой и на веранде хранили небольшие сельскохозяйственные и рабочие инструменты, соленья, мясо, хлеб и другие продукты. Прихожая находилась на веранде в северной части.

Прихожая отделялась от остальной жилой части печкой для выпечки хлеба («русской печью»). Она могла быть прикрыта деревянной панелью (дощатой перегородкой -Ю.А.), но чаще — занавеской, которыми также разделялись комнаты. Печь занимала более половины пространства кухни. Обычно ее изготавливали из глины и только низ топки и устье – из кирпича. В нижней части печи делали углубление для хранения овощей, его могли использовать и для мелких домашних животных. «Русская печь» располагалась слева или справа от входа в жилище, устьем к противоположным окнам, и в этом проявилась северно-среднерусская традиция. Японские исследователи описали так называемые «семь вещей», использовавшихся для приготовления пищи в русской печи (деревянная лопата, веник для очистки устья печи, ухват, кочерга, сковородник, мутовка и др.) [11, с. 81,99].

В таких домах непременно имелось подполье («погреб под полом»). Глубина его —70-80 см. Оно могло представлять собой просто земляную яму или яму, обложенную досками. Сюда помещали преимущественно картофель, но хранили и другие овощи. В погребе не была предусмотрена система вентиляции, но в нижней части «русской печи» половиц не было и обмен воздуха с жилой частью избы осуществлялся свободно.

Противоположную часть кухни японцы именовали гостиной. Она располагалась обычно на южной стороне жилища. В отличие от кухни, гостиная была хорошо убрана и освещена солнечными лучами, попадавшими в помещение через окна на восточной и южной сторонах жилища. На стенах гостиной размещали гармошку, балалайку и другие музыкальные инструменты, создававшие единое украшение. В углу направо (или налево) от входа висела полка с самым ценным в доме образом (иконой). В этой части жилища стояли стол и стулья, здесь собирались члены семьи в конце трудового дня. На обеих стенах висели большие зеркала и красиво оформленные под стеклом фотографии. В центре – портрет Николая Второго. Мебель, расположенная в гостиной: швейная машинка, сундук, шкаф для одежды, комод, кровать и другое – всё это было красиво декорировано и расставлено так, чтобы в центре было больше свободного места. На подоконниках было помещено много цветов в горшках. Гостиная отапливалась стенной печкой, расположенной на границе с прихожей. Эта печь была покрашена в коричневый или зелёный цвет. Рядом с гостиной находилась узкая и длинная спальная комната, отделённая от гостиной стенной печкой и вертикальной перегородкой. Спальня находилась на северной стороне, в ней не было окон и свет поступал из обычно единственного окна на восточной стороне, поэтому в комнате было очень тускло [11, с.56-57].

Полагаем, что и другие традиции в строительстве, конструкции, утеплении и обустройстве жилого помещения были принесены казаками из Забайкалья и активно использовались в Трёхречье.

Анализируя данные по жилищному комплексу трёхреченских казаков, приведённые в материалах японских исследователей одного из казачьих посёлков Северо-Восточного Китая, отметим, что казаки практически полностью перенесли из Забайкалья русские традиции в этой важной части материальной культуры. Это касалось как способов строительства жилых комплексов, так и их конструктивных особенностей и особенно их интерьера с их традиционной русской печью.

Как и в сооружении жилищ, забайкальские казаки перенесли в Трёхречье русские традиции и в других составляющих материальной культуры, в частности, в пище и одежде.

Пища и набор пищевых продуктов казаков Трёхречья были такими же, как пищевые пристрастия и пищевой рацион в Забайкалье. Этому способствовали и природно-экологические условия жизнедеятельности, практически не отличающиеся от забайкальских, и традиции этой части материальной культуры, полностью перенесённые в регион Северной Барги – Трёхречье.

Трёхреченские казаки строго следовали традициям православной религии. Они непременно придерживались постов - и еженедельных, и в течении календарного года [2, с.131-132].

Пищевой рацион трёхреченских казаков складывался из сельскохозяйственной зерновой и скотоводческой продукции собственного производства, добычи от охотничьего и рыболовного промыслов, сбора дикоросов, а также некоторых покупных продуктов. Хлебные злаки казаки преимущественно выращивали сами, особенно в лесостепной зоне. Если жители лесной и степной зон Трёхречья не могли (в силу природных условий) полностью обеспечить себя зерном, они выменивали его на другую продукцию или покупали.

Основным продуктом в пищевом рационе казаков, как и у русских жителей Забайкалья, был хлеб - ржаной («чёрный») и пшеничный. Его пекли самостоятельно. Это делалось в зависимости от размеров семьи, раз в неделю или раз в десять дней. Обычно пекли булки хлеба или калачи. К праздникам выпекали сдобу - пироги с разнообразной начинкой, шанежки и др.

В будние дни пища была однообразной: блюда из варёной капусты, мяса, или, реже, рыбы, картофеля, крупы [8, с.31-32].

В праздничные, не постные дни, особенно по большим календарным и церковным праздникам, столы ломились от разнообразной пищи [15, с.4]. К церковным праздникам - Рождеству, Пасхе и др. готовились основательно. На Пасху пекли куличи, делали сырную пасху (творожную), красили яйца, запекали свиной окорок, варили (или запекали целиком) кур, гусей, уток. Загодя в плоской посудине высевали какой-нибудь злак (например, пшеницу или овёс) с таким расчётом, чтобы к Пасхе зелень взошла и подросла сантиметров на 5-8. Этой зеленью украшался праздничный стол. Иногда из сливочного масла делался барашек и помещался в зелень [8, с.34-35].

В последний день Масленичной недели наступало Прощенное воскресенье. Этот день был уже постным (употребляли немного кисловатый на вкус овсяный кисель, вареные овощи без масла и чай, забелённый молоком, из зёрен конопли молочной зрелости. Это молоко - бело-зеленоватого цвета - немного острое на вкус [27, с.347].

Коровье молоко использовали постоянно. Обычно его принимали в сыром виде и употребляли как добавку к чаю. Традиция «забелённого» чая была принесена из Забайкалья. Считалось, что без приёма этого чая человек не насытился. Из молочной продукции чаще употребляли творог и сметану, использование сливочного масла во многих семьях считалось дорогим удовольствием. Излишки весенне-осеннего надоя молока и молочной продукции сдавали в созданные в практически каждом казачьем посёлке пункты по сбору молока или в артельные заводы.

Мясная продукция складывалась в основном из выращиваемой на своём подворье живности (крупный рогатый скот, свиньи) и пастбищного скотоводства (овцы), а также, в таёжных районах, за счёт лесного промысла копытных животных и боровой дичи. Разнообразную рыбу ловили в реках и озёрах, которые изобиловали рыбой - сомами, налимами, ленками, чебаками, гольянами, тайменями, карасями и другой мелкой рыбой, добываемой ребятишками. В частности, гольянами, кормили кур, гусей, уток, которые с удовольствием их склёвывали. Крупную рыбу употребляли в пищу - варили уху, жарили, использовали как начинку для пирогов.

Мясо и рыбу употребляли в основном в холодное время года в вареном и жареном виде, отчасти солили и вялили на солнце для использования в летний период [9, с.5].

Непременным напитком, как и в Забайкалье, был чай-сливан. Для этого брали листовой зелёный чай, заваривали его в чугушке кипятком, настаивали, затем сливали в другой чугунок, забеливали молоком или сливками, добавляли сливочного масла и соли [27, с.347].

Как и в Забайкалье, распространённой пищей в зимнее время были пельмени. Как только наступали морозы, женщины-посельщицы собирались вместе для их

лепки. Собирались вначале в одной избе, затем в другой. Лепили, песни пели. Эти своеобразные помочи были распространены ещё в Забайкалье. Как и там, в Трёхречье заготавливали пельменей по несколько больших кадок (бочек), которые стояли в амбаре. Пельмени использовали для быстрого приготовления повседневной еды и для угощения в случае неожиданного прихода гостей, их брали с собой на зимнюю охоту. Некоторые добавляли, для мягкости, в фарш капусту, для чего её предварительно на несколько секунд опускали в кипящую воду и затем перемалывали.

Когда случалась свежина (забой какого-либо домашнего животного), непременно кормили мужиков, помогавших разделывать тушу животного, сваренными в русской печи большими кусками мяса, языка, рубца, шекшей и сычугом. *Шекша* - это запеченная в чугунке кровь с кусочками сала. *Сычуг* - поджаренная домашняя колбаса, приготовленная из хорошо промытых кишок коровы или свиньи, набитых гречневой кашей с салом [27, с.345].

В добавление к продуктам собственного производства широко использовали и дары природы. Садоводством, в силу специфических природных условий, не занимались, но плоды диких цветущих деревьев (черемуха, дикая яблоня) высаживали в палисадниках и использовали в качестве начинки для выпечки. Еще в большей степени пополняли праздничный и постный стол различные дикоросы – таежные плоды (земляника, голубика, черёмуха и др.), грибы и растения [16, с.4; 17, с.22]. Из некоторых ягод, например, из кишмиша, на меду варили варенье [11, с.15-16]. Весной на полях собирали дикий щавель, в летнее время – чеснок [9, с.49; 20, с.40-41].

На приусадебных огородах выращивали картофель и некоторые овощи - лук, огурцы, морковь, кабачки, помидоры, капусту. Капусту, как и грибы, засаливали. Квашенную капусту хранили замороженной. Осенью терли картофель на крахмал.

Японские исследователи, изучавшие повседневную жизнь трёхреченских казаков, в том числе и их пищевой рацион, сообщили об этнических особенностях их культуры питания, заявив: «Местная кухня, безусловно, русская» [11, с. 14]. Повседневную трапезу японцы охарактеризовали как предельно простую, отметив, что практически все продукты казаки производят в своём хозяйстве. Их удивило изобилие в рационе казаков хлеба, который они называли основной пищей казаков, и мяса животных.

Отметив, что среди мясной продукции преобладает баранина, свинина и говядина, японские исследователи констатировали, что в летнее время, в связи с невозможностью хранения мяса, забой даже одной единицы скота приводил к проблемам, поэтому в этот период частота употребления мяса и его количество были невелики. Зимой же мясо могло храниться сколько угодно, и хранилища (амбары) были полностью забиты свешивающимися большими тушами. Иногда мясо замораживали прямо на улице, поместив его на специально построенные высокие козлы. В условиях холодного климата использование скота в пищу и для приготовления одежды, по мнению японцев, играло большую роль в жизнедеятельности казачьего населения Трёхречья. Несмотря на разный количественный состав семьи, в среднем один семейный коллектив, по подсчётам японцев, в год съедал 50 овец, 16 свиней и 5 коров [11, с. 5, 14].

Сетуня на то, что казаки в зимний период не употребляли ни каких овощей, кроме солений, японцы отметили, что восполнение витаминов осуществлялось блюдами из печени диких животных и домашнего скота.

Неотъемлемой частью повседневной жизни и материальной культуры трёхреченцев была одежда.

Повседневная нательная одежда казачьего населения Трёхречья, так же, как и в Забайкалье, была традиционной: у мужчин - холщовая рубашка и штаны. У женщин - рубашка и юбка, иногда платье, на голове - косынка или платок; девушки ходили и без платка. Волосы они не стригли. Девушки носили распущенные косы, а женщины либо укладывали косы вокруг головы, либо собирали волосы в узел [27, с. 341].

Праздничная одежда женщин отличалась нарядностью. Мужчины надевали форму Забайкальского казачьего войска - гимнастёрки и брюки с желтыми лампасами, фуражки с околышком и кокардой, зимой - папахи из каракуля с желтым верхом, сапоги. На гимнастёрках были блестящие пуговицы, два больших накладных нагрудных кармана, воротник-стойка; подпоясывалась гимнастёрка или ремнём, или боевиком - узеньким кожаным ремешком. Он завязывался на узел, а на конце находилась металлическая пластинка - боёк [23].

В трёхреченских хозяйствах домашний скот выращивали не только на мясо, но и для получения шерсти и кожи, которые шли на домашнее производство одежды и обуви.

По воспоминаниям трёхреченских казаков и их потомков, выделка овчин была довольно трудоёмкой работой.

Готовую повседневную одежду приобретали редко. Нательную и верхнюю одежду женщины шили дома. Ткань покупали в городе или у коробейников-китайцев, которые периодически навещались в казачьи посёлки. Коробейников называли «узольниками», вероятно, потому что на коромысле они носили тюки тканей, связанные в большие узлы. Верхняя демисезонная одежда чаще всего покупалась готовой в городе. В зимнее время основу верхней одежды, как для мужчин, так и для женщин, составляли нагольные полушубки, шубы, дохи и тулупы, которые изготавливали обычно из самостоятельно выделанной овчины [2, с.132].

Для пошива изделий из овчин и кожи применяли дратву. Она изготавливалась из сухожилий животных (обычно для этого бралось шейное сухожилие, которое называли «лён»). Сухожилие высушивалось, разминалось и расчлнялось на тонкие нити, которые затем вручную скручивали в двусложную нитку (дратву) длиной до метра. При шитье кожаных изделий дратве придавалось водоотталкивающее свойство, путём просмаливания её специальным составом («варом»). Дратву изготавливали также из конопли, которую высаживали на огородах. Из сухого длинного высушенного стебля конопли делали толстые нити, которые после промазки их варом использовали для шитья и починки обуви и сбури [8, с.33].

Обувь тоже шили сами - преимущественно из кожи домашних животных. Домашняя кожа была двух видов: «сыромятная», которую выделывали самостоятельно, и «хромовая». Для выделки хромовой кожи её сдавали на кожевенный завод. Хромовые сапоги были праздничной мужской обувью [8, с.33]. Их могли себе позволить только люди небедные. Хромовые сапоги и женские ботинки приобретали в городе.

Распространённой повседневной летней обувью у мужчин, а иногда и у женщин, были «ичиги» - вывороченные сапоги с мягкой подошвой и мягким голенищем, которое под коленом в верхней части икры подвязывалось кожаным шнуром. Зимой обувались в валенки (пимы), которые обычно покупали, и унты. Унты шили самостоятельно из шкуры лося, а подошву изготавливали из толстой кожи. Унты были прочными, тёплыми и мягкими, каблуков не имели [23].

Женщины по праздникам обувались в сапожки, ботиночки, туфли. Их шил кто-либо из членов семьи или покупали в магазине (обычно в Драгоценке или в тех посёлках, где были магазинчики или лавки) [27, с.342].

Из овечьей шерсти женщины вязали всем домочадцам носки и варежки, а из козьего пуха - женские шали и мужские свитеры, шарфы и жилеты. Из козьих, овечьих, а иногда и собачьих шкур шили длинные дохи. Они были с огромным воротником и широкими рукавами. Их одевали поверх тулупа в сильные морозы для поездок за сеном, в другие населённые пункты [27, с.342].

Много шерсти нужно было для «потников» - катаных подстилок, которые использовали дома вместо матрацев, а в поле потник предохранял от простуды, когда приходилось заночевать прямо на земле [27, с.342].

Рукавицы и перчатки нередко приобретали у эвенкийских мастеров [2, с.С.132]. Черты традиционной культуры эвенков преобладали и в охотничьем костюме трёхреченских казаков. Особенно популярной у охотников была эвенкийская дашка (род просторного двубортного пиджака из замши) и арамуды (ноговицы из замши) [14, с.148; 17, с.22].

Сохранились в Трёхречье и традиционные для русских Забайкалья средства передвижения. Летом это были телеги, брички, в зимнее время - разного типа сани, в которые запрягали лошадь. На ней передвигались и верхом. Искусством верховой езды владели как мужчины, так и женщины.

Большинство повозок делали вручную сами казаки. Их производство осуществлялось обычно в зимнее время. Особенно разнообразны были сани. Их устройство зависело от целей применения: перевозили ли в них людей, сено, дрова, брёвна для строительства жилищ и различных усадебных построек и др. Изготавливали их обычно без единого гвоздя, используя для этих целей древесину берёзы, тополя и его кору.

Таким образом, анализируя сведения, полученные от очевидцев, японских и отечественных исследователей о материальной культуре русских казаков Забайкалья, переселившихся в Трёхречье, мы можем констатировать, что её основные составляющие (жилище, одежда, пища, средства передвижения) были практически полностью транслированы в Северо-Восточный Китай. Трансляция русского культурного наследия в сопредельное государство способствовало формированию в его отдельных районах специфического русского анклава, повлиявшего на экономическую и, отчасти, традиционную культурную жизнь определённых территорий Маньчжурии в 1920-1950-е годы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Анучин В.А. Географические очерки Маньчжурии. М.: Гос. Изд-во геогр. лит-ры, 1948. 300 с.
2. Аргудяева Ю.В. Русское население вТрехречье // Россия и АТР. 2006. № 4. С.121-134.
3. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток: ДВО РАН, 2008. – 400 с.
4. Аргудяева Ю.В. Русские казаки в Трехречье // Материалы междунар. научн. конфер. «Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: исторический ракурс и современные оценки». Материалы междунар. научн. конф. 22–27 ноября 2012 г. (г. Чита Забайкальского края Российской Федерации – г. Эргуна Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики). Отв. ред. М.В. Константинов; Чита: Забайкал. Гос. гум.-пед. ун.-т, 2012. С.125 – 135.
5. Аргудяева Ю.В. Русские казаки в Трёхречье (первая половина ХХ в). Благовещенск: Изд-во АмГУ; ООО «ИПК «ОДЕОН», 2016. 480 с.
6. Балакшин П. Финал в Китае: В 2 т. Сан-Франциско– Нью-Йорк. 1958 – 1959. Т.1. 374 с.; Т.2. 430 с.
7. Белоглазов Г.П.Русская земледельческая культура в Маньчжурии (середина XVII - первая треть ХХ в.). Владивосток: Дальнаука, 2007. 184 с.
8. Буторин Г.И. Казаки станции Хакэ // Русская Атлантида: Челябинск, 2006. № 19. С. 26-36.
9. Волошина С.И. Моё Трёхречье // Русская Атлантида: Челябинск, 2007. № 26. С.47 - 54.
10. Жернаков В.Н. Трёхречье: Рукопись. Окленд (Калифорния, США), 1975. 23 с.
11. Жилище и жизнь русских в Трехречье в Северной Маньчжурии. Токио: Издат-во Хабукункан, ОхасиСинъити, 1943. 141 с. (на яп. яз.). (Перевод Е.В.Пустовойт, 2011 г.).
12. Забияко А. А., Забияко А.П. Русские Трёхречья: фольклор как основа идентичности в китайской среде // Проблемы Дальнего Востока. М., 2016. № 2. С. 160- 172.
13. Игауэ Нахо. Японские исследования казацких сёл в Хулун-Буйре (Трёхречье) в Маньчжоу-го //Материалы XXV российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония): сб. статей. Владивосток: Дальнаука, 2010. С.81 – 93.
14. Кайгородов А.М. Русские в Трёхречье (по личным воспоминаниям)// Советская этнография. М., 1970. № 2. С.140 – 149.
15. Кайгородов А. Русские заимки в Трехречье (по личным наблюдениям) // СоветскоеПриаргунье: Чита, 1993. № 58, 28 июля. С.4.
16. Кайгородов А. Грузди. Записки из жизни в Трехречье // СоветскоеПриаргунье: Чита, 1993. № 83, 12 нояб. С.4.
17. Кайгородов А. Потерянная земля (Историко-этнографический очерк). Рукопись. М., 1990 – 1994. 27 с.
18. Кляус В.Л. Рождение и смерть русского дома в Приаргунском Трёхречье (КНР). // Традиционная культура. М., 2011. № 2. С. 32 – 42.
19. Кормазов В.А. Барга. Экономический очерк. Харбин: Типогр. КВЖД, 1928. 281 с.
20. Макушев Ю.В. Трёхречье -Хайлар - Харбин // Русская Атлантида: Челябинск, 2009. № 28. С.33 – 41.
21. Накамура Ё. Романовка – посёлок старообрядцев в Маньчжурии (1936 – 1945 гг.) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америке. Новосибирск: Наука, Сибир. отделение, 1992. С. 247 – 252.
22. Сергеев О.И. Трёхречье в Китае: исторический ракурс //Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: Исторический ракурс и современные оценки. Материалы междунар. научн. конф. 22-27 нояб. 2012 г. (г. Чита Забайкальского края Российской Федерации - г.Эргуна Автономного района Внутренней Монголии Китайской Народной Республики). Чита: Забайкал. гос. гум.-пед. ун.-т., 2012. С.137 – 143.
23. Сергей Прокопьев. Драгоценная моя Драгоценка // <http://www.proza.ru/2012/108/11/1147> (дата обращения 10.06.2015).
24. Традиционное жилище народов России: XIX – начало ХХ в. М.: Наука, 1967. 397 с.
25. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция. Опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 358 с.; ил.
26. Шахматов П. Трехречье. Воспоминания. Томск: Изд-во «Красное знамя», 2014. 344 с.
27. Чайкина-Борескова Марина. Трехреченские зарисовки (с натуры) // Рубеж: Владивосток, 2010. № 10. С.339 - 348.

REFERENCES

1. Anuchin V.A. *Geograficheskiye ocherki Man'chzhurii* [Geographical essays on Manchuria]. Moscow: State publishing house of geographical literature, 1948. 300 p. (In Russ.)
2. Argudyaeva Y.V. *Russkoye naseleniye vTrekhrech'ye* [Russian population in Trechre] // *Rossiya i ATR* [Russia and the APR]. 2006. №4. (In Russ.)
3. Argudyaeva Y.V. *Russkiye staroobryadtsy v Man'chzhurii* [Russian Old Believers in Manchuria]. Vladivostok: FEB RAS. 2008. 400 p. (In Russ.)
4. Argudyaeva Y.V. *Russkiye kazaki v Trekhrech'ye* [Russian Cossacks in Three Rivers] // *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Prigranichnoye sotrudnichestvo i vneshneekonomicheskaya deyatel'nost': istoricheskiy rakurs i sovremennyye otsenki». Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 22–27 noyabrya 2012 (Chita Zabaykal'skogo kraya Rossiyskoy Federatsii – Erguna Avtonomnogo rayona Vnutrennyaya Mongoliya Kitayskoy Narodnoy Respubliki)* [Proceedings of the international scientific conference "Cross-border cooperation and foreign economic activity: a historical perspective and modern assessments." Materials Intern. scientific conf. November 22–27, 2012 (Chita, Trans-Baikal Territory of the Russian Federation - Ergun of the Autonomous Region of Inner Mongolia of the People's Republic of China)]. Executive Editor Konstantinov M.V.; Chita, Transbaikalia: State Humanitarian Pedagogical University, 2012. (In Russ.)
5. Argudyaeva Y.V. *Russkiye kazaki v Trokhrech'ye (pervaya polovina XX v.)* [Russian Cossacks in Three Rivers (first half of the twentieth century)]. Blagoveshchensk: Amur State University publ.; ltd «IPK «ODEO», 2016. 480 p. (In Russ.)
6. Balakshin P. *Final v Kitaye: V 2 t.* [Final in China: In 2 t.] San Francisco - New York. 1958 – 1959. T.1. 374 p., T. 2. 430 p. (In Russ.)
7. Beloglazov G.P. *Russkaya zemledel'cheskaya kul'tura v Man'chzhurii (seredina XVII - pervaya tret' XX v.)* [Russian agricultural culture in Manchuria (mid-XVII - the first third of the twentieth century)]. Vladivostok: Dal'nauka publ., 2007. 184 p. (In Russ.)
8. Butorin G.I. *Kazaki stantsii Khake* [Cossacks Station Hake] // *Russkaya Atlantida* [Russian Atlantis]. Chelyabinsk, 2006. № 19. (In Russ.)
9. Voloshina S.I. *Moyo Trokhrech'ye* [My Three Ridge] // *Russkaya Atlantida* [Russian Atlantis]. Chelyabinsk, 2006Chelyabinsk, 2007. (In Russ.)
10. Zhernakov V.N. *Trokhrech'ye: Rukopis'* [Three Rivers: Manuscript]. Oklend (California, USA), 1975.
11. *Zhilishche i zhizn' russkikh v Trekhrech'ye v Severnoy Man'chzhurii* [Dwelling and life of Russians in Three Rivers in Northern Manchuria]. Tokyo: Habukunkan publ., OhasiSiniti, 1943. (In Russ.)
12. Zabayako A. A., Zabayako A.P. *Russkiye Trokhrech'ya: fol'klor kak osnova identichnosti v kitayskoy srede* [Russian Trekhreche: folklore as the basis of identity in the Chinese environment] // *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East]. Moscow, 2016. №2. (In Russ.)
13. Egaue Naho. *Yaponskiye issledovaniya kazatskikh sol v Khulun-Buyre (Trokhrech'ye) v Man'chzhou-go* [japanese studies of Cossack villages in Hulun-Buir (Three Rivers) in Manchukuo] // *Materialy XXV rossiysko-yaponskogo simpoziuma istorikov i ekonomistov DVO RAN i rayona Kansay (Yaponiya): sb. statey* [Materials of the XXV Russian-Japanese symposium of historians and economists of the FEB RAS and the Kansai region (Japan): sat articles]. Vladivostok: Dal'nauka publ., 2010. (In Russ.)
14. Kaygarodov A.M. *Russkiye v Trokhrech'ye (po lichnym vospominaniyam)* [Russians in the Three Rivers (according to personal memories)] // *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. Moscow, 1970, №2.
15. Kaygarodov A.M. *Russkiye zaimki v Trekhrech'ye (po lichnym nablyudeniyam)* [Russian borrowings in Three Rivers (according to personal observations)] // *Soviet ethnography* [Soviet ethnography]. Chita, 1993. July 28. № 58. (In Russ.)
16. Kaygarodov A.M. *Gruzdi. Zapiski iz zhizni v Trekhrech'ye* [Milk mushrooms. Notes from life in Three Rivers] // *SovetskoyePriargun'ye* [SovietPriargunye]. Chita, 1993. №83. Nov. 12. (In Russ.)
17. Kaygarodov A.M. *Poteryannaya zemlya (Istoriko-etnograficheskiy ocherk)* [Lost Land (Historical and Ethnographic Essay)]. Manuscript. Moscow, 1990-1994. (In Russ.)
18. Klyaus V.L. *Rozhdeniye i smert' russkogo doma v Priargunskom Trokhrech'ye (KNR)* [The birth and death of a Russian home in Priargunsky Treheye (China)]. // *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. Moscow, 2011. №2. (In Russ.)
19. Kormazov V.A. *Barga. Ekonomicheskiy ocherk* [Barga. Economic Sketch]. Harbin: CEL typ., 1928. (In Russ.)

20. Makushev Y.V. *Trokhrech'ye - Khaylar – Kharbin* [Trehreche -Haylar - Harbin]. // *Russkaya Atlantida* [Russian Atlantis]. Chelyabinsk, 2009. № 28. (In Russ.)
21. Nakamura Y. *Romanovka – posolok starobryadtsev v Man'chzhurii (1936 – 1945 gg.)* [Romanovka - the village of Old Believers in Manchuria (1936 - 1945)] // *Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh starobryadcheskikh poseleniy v stranakh Yevropy, Azii i Amerike* [The traditional spiritual and material culture of the Russian Old Believers settlements in Europe, Asia and America]. Novosibirsk: Nauka publ., SB, 1992. (In Russ.)
22. Sergeev O.I. *Trokhrech'ye v Kitaye: istoricheskiy rakurs* [Three Rivers in China: a historical perspective] // *Prigranichnoye sotrudnichestvo i vneshneekonomicheskaya deyatel'nost': Istoricheskiy rakurs i sovremennyye otsenki* [Cross-border cooperation and foreign economic activity: Historical perspective and modern assessments]. Materials Intern. scientific conf. November 22-27 2012. (Chita, Trans-Baikal Territory of the Russian Federation - the city of Ergun of the Autonomous Region of Inner Mongolia of the People's Republic of China). Chita: Zabaykalsky State Humanitarian-Pedagogical University publ., 2012.
23. *Sergey Prokop'yev. Dragotsennaya moya Dragotsenka* [Sergey Prokopiev. My precious Jewel]. // <http://www.proza.ru/2012/108/11/1147> (accessed 10. 06.2015). (In Russ.)
24. *Traditsionnoye zhilishche narodov Rossii: XIX – nachalo XX v.* [Traditional dwelling of the peoples of Russia: XIX - beginning of the twentieth century]. Moscow: nauka publ., 1967. (In Russ.)
25. Khisamutdinov A.A. *Rossiyskaya emigratsiya. Opyt entsiklopedi* [Russian emigration. Encyclopedia experience]. Vladivostok: FEPU publ., 2001. (In Russ.)
26. Shakhmatov P. *Trekhrech'ye. Vospominaniya* [Three Rivers Memories]. Tomsk: Krasnoye znamya publ., 2014. (In Russ.)
27. Chaykina-Boreskov M. *Trekhrechenskiye zarisovki (s natury)* [Trokhrech'ye sketches (from life)]. Rubezh [Frontier]. Vladivostok, 2010. (In Russ.)